

ВЫСТАВКА ПОРОДИСТЫХ СОБАК

На двери третьего подъезда, где выбито стекло, висел большой лист бумаги:

«Объявление.

23 мая, в воскресенье, в нашем парке состоится выставка породистых собак. Победителям будут вручены ценные призы, грамоты и дипломы. Начало в десять часов утра.

Добро пожаловать на нашу выставку!»

— Да,— задумчиво произнесла Наташка.— Вот бы нам участвовать в этой выставке.

— Но у нас нет породистой собаки,— вздохнул Альберт.

— У нас вообще нет никакой собаки,— заметил Вадик.

— А давайте придумаем, где ее достать,— сказала Наташка.— Только думать нужно быстрее. Сегодня суббота, до выставки один день остался.

— Что если купить? — предложил Альберт.

— У меня в копилке должно быть уже целых рублей шесть накопилось,— сообщила Наташка.

— И у меня пять,— добавил Альберт.

— Сначала нужно узнать, сколько стоит породистая собака,— сказал Вадик.— Пойдемте к Кудрявцевым. У них страшно породистый бульдог есть...

Вадик нажал кнопку звонка и в квартире залаяла собака.

— Каким басом лает,— уважительно произнесла Наташка.— Наверное, порода по лаю и определяется.

— Назад, Рекс, назад! — послышался мужской голос. Дверь открылась, и показался лысый мужчина в полосатой пижаме.

— Извините, пожалуйста,— сказал Альберт.— Мы хотели узнать у вас одну вещь.

— Какую?

— Это породистая собака?

— Еще бы, Рекс призер трех выставок, медалист. А масть какая — во всем городе такой нет! Рекс, к ноге, сидеть!

Рекс подошел, презрительно посмотрел на ребят, открыл огромную, похожую на ведро пасть, зевнул и, плюхнувшись на подстилку, закрыл глаза.

— Да,— сказал Вадик восхищенно,— он, наверное, на любой выставке первое место займет.

— Вы Рекса не продадите? — спросила Наташка.— Не волнуйтесь, у нас деньги есть.

Лысый мужчина подумал, помолчал, почесал затылок и наконец ответил:

— Пожалуй, можно. А то на работе командировками совсем замучили, с собакой гулять некому... За четыреста рублей продам.

— А за меньше нельзя? — поинтересовался Альберт.— У нас только одиннадцать.

— Одиннадцать — как раз на покупку курицы хватит... Рекс, домой!

Рекс открыл сначала один глаз, потом другой, лениво встал, потянулся, вошел в квартиру и дверь закрылась.

— Что же делать? — грустно спросил Альберт.

— Придумал! — воскликнул Вадик.— Попросим просто одолжить Рекса на один день!

И они позвонили снова.

— Вы еще здесь? — удивился мужчина в пижаме.

— Завтра в парке выставка собак,— сказала Наташка.— Одолжите Рекса на один день. Только на один!

— Еще чего придумали! Так и доверю вам собаку. Рекс, голос!

Из-за двери выглянул Рекс, грозно округлил глаза и громко пролаял: «Гав! Гав!»

И дверь опять закрылась.

— Теперь уже ничего не придумаешь,— грустно сказала Наташка...

На скамейке, возле песочницы, сидела соседка Марья Степановна и читала журнал «Здоровье».

— Вы что такие грустные? — поинтересовалась она.

— Да вот, хотели участвовать в выставке,— за всех ответила Наташка.— Только собаку достать не можем.

— Не люблю собак,— сказала Марья Степановна.— От их лая только голова болит. Вот кошки — другое дело!

— А породистые кошки бывают? — спросил Альберт.

— А то как же! Недавно в газете прочитала. В Америке одну кошку за десять тысяч долларов продали!

— Ну,— удивилась Наташка.— За так много! А Рекс всего четыреста рублей стоит!

— Марья Степановна, дорогая, вы в кошках хорошо разбираетесь? — с надеждой спросил Вадик.

— Конечно. Я тебе, милый, про любого кота такое могу рассказать, ни один профессор не знает.

— Наташка, подойди на минутку? — тихо позвал Вадик, и они отошли в сторону.— Слушай,— зашептал он,— принеси кошку. Ну ту, которую мы у живодера Капитонова отобрали. Может она породистой окажется?

И Наташка со всех ног побежала в свой подъезд...

Она открыла дверь, заглянула под диван, на кухню, увидела кошку, сидящую на холодильнике, прижала ее к груди и заспешила назад.

— Марья Степановна, посмотрите,— попросила Наташка.

— Какая пушистая. Ну-ка дай! Она взяла кошку на руки, погладила, повернула к себе и стала почесывать за ушами. Кошка закрыла глаза и довольно замурлыкала.

— Очень хорошая кошка,— одобрила Марья Степановна.— И родословная у нее, наверное, неплохая.

— А что такое родословная? — поинтересовался Вадик.

— Как тебе объяснить? ... А-а, придумала! Как зовут твоего отца?

— Володя.

— Маму?

— Марина.

— Дедушку?

— Дедушка Иван.

— А бабушку?

— Баба Ньюра.

— Вот ты и рассказал свою родословную.

— А зачем родословная кошкам?

— Так и узнают по родословной, породистая она или нет. Понятно? Ну я пойду, мне еще в магазин успеть нужно.

Она встала со скамейки, кошка недовольно заворчала, приоткрыла желто-зеленый глаз, и спрыгнула на землю...

— Ура! — закричал Вадик.— Теперь мы тоже в выставке можем участвовать. У нас породистая кошка есть!

— Но сначала нужно узнать, как зовут кошковых родителей,— напомнил Альберт.

Наташка подняла кошку на руки и попросила:

— Кошечка, милая, как звали твою маму и папу?

Но кошка молчала.

— Так она тебе и скажет,— засмеялся Вадик.— Самим нужно придумать самую лучшую родословную, чтобы первое место занять. Сейчас принесу учебник истории, по нему сестра в институте занимается. Из него и возьмем...

— Пиши,— сказал Вадик, вернувшись, и протянул Альберту большой лист бумаги и красный фломастер.— Только красиво пиши!

Он открыл учебник, полистал страницы.

— Вот! «Король Артур и рыцари круглого стола». Пиши: отец — Король Артур и рыцари круглого стола!

— Как красиво,— задумчиво произнесла Наташка.— Король Артур и рыцари круглого стола.

— А мать как назовем? — напомнил Альберт.

Вадик полистал учебник еще.

— Здесь только про мужчин да про мужчин,— сказал он.

— Я знаю! — заявила Наташка.— Вчера кинопанораму смотрела... Давайте назовем Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен.

— А что,— согласился Альберт.— Отец — Король Артур и рыцари круглого стола, мать Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен. Очень даже хорошая родословная получается.

— Так, пошли дальше,— сказал Вадик.— Теперь дед нужен. Вот послушайте:

«Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью».

— Какое красивое имя, отчество и фамилия,— обрадовалась Наташка.— Я таких никогда не встречала.

— Ну я пишу,— сказал Альберт.— Дедушка — «Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью». Теперь только одно имя осталось. Можно я его придумаю?

— Конечно,— разрешил Вадик.

— Пиковая дама!

— А кто это такая?

— Опера, ее сам Чайковский сочинил.

— А-а,— протянул Вадик.— Если сам Чайковский — тогда можно. Читай сначала, как получилось?

Альберт набрал побольше воздуха и с выражением прочел:

— Отец — Король Артур и рыцари круглого стола. Мать — Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен. Дедушка — Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью. Бабушка — Опера самого Чайковского Пиковая дама.

— Здорово! — восторженно произнесла Наташка.— Да с такой родословной мы обязательно займем первое место!

— Самое главное забыли,— напомнил Вадик.— Кошке тоже нужно имя придумать! Назовем ее... Харлей-Давидсон — самый лучший мотоцикл в мире. Когда вырасту, у меня такой же будет!

— А меня на нем покатаешь? — попросила Наташка.

— Конечно, все тебе страшно завидовать будет!

...Следующим утром Наташка еще лежала в постели, когда со двора раздался голос Альберта.

Наташка быстро оделась, на ходу, путаясь в шнурках, сунула ноги в кеды, схватила кошку и бросилась к двери.

— Ты что так долго спишь? — сказал Альберт.— Я даже устал тебя кричать. И Вадика еще нет.

— Давай сами за ним зайдем.

Двери им открыла мама Вадика.

— Вадик простудился,— сообщила она.

— Мама, кто это пришел? — спросил Вадик из соседней комнаты.

— Это мы,— ответила Наташка.

Вадик, тепло одетый и с перевязанным горлом, показался в дверном проеме.

— Мамочка, можно я с ними пойду? — попросил он.— Я честно-честно с завтрашнего дня болеть буду

— Ну нет,— строго сказала Вадикина мама.— Сегодня посидишь дома, а завтра будешь совсем здоров. Придется твоим друзьям обойтись без тебя.

— Не волнуйся,— сказал Альберт.— Болей спокойно. Мы потом к тебе зайдем и все расскажем.

— Какая кошка красивая,— сказал Вадик.— Пушистая-пушистая.

— Я ее вчера вечером в польском шампуне искупала,— объяснила Наташка.— А она мне все руки расцарапала. Не знаю, почему кошки так купаться не любят?

— А как вы ее на выставку понесете? — спросил Вадик.

— В руках, конечно,— ответил Альберт.

— А вдруг она убежит по дороге! Нужно ее в сумке нести.

И Вадик принес спортивную сумку.

— И вот еще лента, у сестры взял. Завяжи, Наташка, ей бант. Только красиво.

Наташка взяла широкую желтую шифоновую ленту, и на шею у кошки появился пышный бант.

Они осторожно опустили кошку в сумку и застегнули молнию.

— Бегите быстрее,— сказал Вадик.— Уже целых десять часов...

В парке играла музыка и было очень много людей. Альберт и Наташка прошли по аллее и увидели большую заасфальтированную площадку, полную собак и их хозяев.

— Смотри, вон выставка! — сказал Альберт и они подошли поближе.

— Тоже участвуете? — спросил их усатый мужчина с большим черным догом на поводке.— Какая у вас собака, болонка?

— Нет,— гордо ответила Наташка.— У нас с самой лучшей родословной!

— Идите зарегистрируйтесь,— посоветовал хозяин дога.— Это там, где жюри сидит.

И они пошли мимо сидящих и лежащих собак. Все собаки почему-то вытягивали морды к Наташкиной сумке, начинали громко лаять и рваться с поводков.

— Дяденька,— спросила Наташка у седого мужчины в очках, стоявшего у столика с табличкой «Регистрация участников».— Это вы регистрируете?

Он повернулся к ним, внимательно посмотрел и заинтересовался:

— А что, вы тоже участники?

— Конечно,— произнес Альберт.— У нас все по правилам. И родословная есть,— и он протянул родословную.

Седой мужчина взял родословную развернул и вдруг рассмеялся.

— Где же он, ваш Харлей-Давидсон? — спросил он.— Можно на него посмотреть?

Наташка поставила сумку на землю, потянула замок,— из сумки высунулась кошкина голова, потом пышный желтый бант, кошка испуганно оглянулась, увидела собак, выпрыгнула из сумки и отчаянно помчалась со всех лап.

— Стой! — закричала Наташка.— Стой!

Но кошка была уже далеко, потом перемахнула через забор и исчезла совсем.

Из Наташкиных глаз ручьем потекли слезы.

— Ну что ты,— сказал седой мужчина.— Ты же уже большая. Не нужно плакать.

— Мы так готовились, так готовились,— сквозь слезы говорила Наташка.— Тоже хотели участвовать. Только собаки у нас нет.

— Как ваши фамилии?

— Ее — Чеснокова Наташка, а моя — Юлдашев Альберт.

— А я директор выставки Сергей Иванович. Приглашаю вас ее посмотреть. А за кошку не бойтесь. Она, наверное, прямо домой побежала. Садитесь за мой столик, я сейчас приду...

— Открываю нашу выставку! — громко объявило радио.— Сначала состоится парад участников.

В параде участвовали самые разные собаки: большие и маленькие, очень большие и совсем крошечные, черные и белые, коричневые и ослепительно рыжие. Они гордо шли рядом со своими хозяевами, высоко подняв головы и презрительно смотрели на других собак...

Выставка продолжалась, наверное, целых два часа. Наконец все собрались в центре площадки.

— А сейчас,— объявило радио,— называем победителей! Первый приз получает сенбернар по кличке Лорд.

Радио заиграло туш и Сергей Иванович надел красивую медаль на шею собаки, а затем пожал руку ее владельцу и вручил красивый диплом.

— Какая большая собака,— уважительно сказала Наташка.— Вот бы ее зимой в санки запрячь!

— Сразу половину двора увезет,— согласился Альберт.

А по радио вызывали все новых и новых победителей...

И ВДРУГ!!!

— Приглашаются самые юные участники нашей выставки: Чеснокова Наташа и Юлдашев Альберт!

— Это же нас,— почему-то шепотом произнес Альберт,— нас вызывают!

— За активное участие в выставке Альберт и Наташа награждаются почетным дипломом.

Сергей Иванович торжественно вручил им дипломы и сказал:

— Еще для вас есть маленький сюрприз,— и... протянул рыжего лохматого щенка.— Это породистый щенок, терьер.

Вот только имени у него еще нет. Ухаживайте за ним хорошо. И приходите за консультацией...

Они шли домой через весь парк и гордо смотрели по сторонам. Еще бы, ведь теперь у них тоже была собака. Страшно породистая собака - терьер! Альберт шел впереди, размахивая дипломами, и все время оглядывался на Наташку. Она прижимала щенка к лицу, зарывалась носом в его рыжую мохнатую шерсть. Щенок щурил блестящие карие глаза и иногда малиновым шершавым язычком начинал облизывать Наташкин нос.

— А как мы его назовем? — спросил Альберт.

— Конечно, Харлей-Давидсон,— ответила Наташка.

ПОДАРОК

— Послушай, Альберт,— сказала Наташка.— Я с тобой хочу посоветоваться.

Они сидели на скамейке возле песочницы, где по вечерам собираются пенсионеры, и Альберт, наклонившись, задумчиво что-то чертил по песку.

— Понимаешь, у папы завтра День рождения, а я никак не придумую, что ему подарить.

— Подарить можно что хочешь,— отозвался Альберт.— Я, например, маме подарил духи.

— Скажешь тоже! Духи только женщинам дарят.

— Почему? Моему отцу на работе преподнесли французский одеколон. Зеленая такая бутылочка. А пахучий! Я чуть-чуть на себя вылил — так запах две недели держался!

— Не-е,— отказалась Наташка.— Мне нужно что-нибудь необычное, а ты с одеколоном пристаешь. Сам подумай! Одеколон этот скоро кончится — вот подарка уже и нет.

— Тогда не знаю... А что твой отец любит?

— Любит?.. Газету «Советский спорт», конфеты, лежать на диване. Не любит мыть посуду. Обожает свою работу — даже домой часто расчеты приносит. Потом цветы, меня, конечно, ходить в гости — но почему-то редко получается... Что еще?.. А, вот! Читать про путешествия в дальние страны, смотреть футбол и хоккей по те-

левизору, собирать мои рисунки — целая папка уже набралась. Подожди, сейчас еще вспомню... И когда-нибудь увидеть море!

Наташка перевела дух и остановилась.

— Да,— вздохнул Альберт.— Тут в два счета запутаться можно, что подарить.

— Вообще-то сначала я хотела нарисовать море,— неуверенно произнесла Наташка.

— Ну и нарисуй. Это же просто! Закрашиваешь бумагу в синий цвет, потом изображаешь кораблик с трубой. А из трубы дым. Вот и все море.

— Да нет! Так — я запросто могу. Хоть тысячу-миллион морей. Мне другое нужно.... Как тебе объяснить? Ну, чтобы оно было как настоящее. Понял?

— Так, Наташка, рисовать трудно. Придется очень стараться.

— Пусть! Это же подарок... Вот ты в прошлом году в правдашнем море купался и рисуешь хорошо. Поможешь?

— Ладно,— согласился Альберт и они пошли к Наташке домой...

— Нам с тобой только три часа осталось,— предупредила Наташка.— Ровно в шесть папа с субботника придет. У них на работе месячник озеленения объявили.

— Запросто успеем,— успокоил Альберт.— Показывай, что у тебя есть...

Наташка открыла средний ящик серванта, достала краски, фломастеры, бумагу.

Они разложили все это на столе и принялись за работу.

Наташка нанесла на чистый лист волнистую голубую линию, отодвинулась, прищурила левый глаз и спросила:

— Похоже на волны?

— Вообще-то не очень,— сказал Альберт.— Когда дует сильный ветер, море темнеет.

Он взял другой лист бумаги и начал рисовать сам.

— Мне не нравится! — заявила Наташка.— Почему-то у тебя все черным цветом закрасилось.

— Я же изображаю море в самую сильную бурю! Да еще ночью. А ночью всегда темно.

— А луна?

— Луна? Луну облака закрыли.

— Знаешь что. Давай лучше рисовать море днем. И в хорошую погоду.

Альберт посмотрел на свой рисунок и сказал:

— Неохота снова начинать.

— Ну как знаешь.

Наташка придвинула к себе голубую краску, обмакнула в нее кисточку и... море начало получаться спокойным. В нем отражались облака и солнце. А вдали, похожий на чайку, плыл парусный корабль.

— Здорово! — похвалил Альберт.— И цвет точь-в-точь поймала. Голубой — даже смотреть больно... Только знаешь, кажется, рисунок очень уж маленьким получился... Послушай! Что если нарисовать прямо на стене? Недавно я был в гостях, так там все двери разрисованы. Представляешь — простая дверь в другую комнату, а на ней, над крышами, печными трубами и какой-то башней, летит Карлсон. По-моему, на стене рисовать гораздо лучше... А твой отец не будет ругаться?

— Не-е, что ты! Он хороший и все-все понимает. Потом, *это же подарок!* А кто за подарки ругается! Давай быстрее стену выбирать!

Альберт внимательно осмотрел комнату и даже зачем-то взглянул на потолок.

— Кажется, эта сгодится,— наконец произнес он.— Помнишь, ты говорила, твой отец любит лежать на диване. Вот он и будет лежать и смотреть на наше море. А оно

знаешь как для здоровья полезно. Об этом все медицинские журналы в каждом номере пишут... А рисовать на твоих стенах одно удовольствие — такие светлые обои наклеены...

Сначала они расстелили на полу газеты, придвинули стол к стене и Альберт залез на него.

— Давай поделимся,— предложил он.— Я буду работать над небом, солнцем и облаками, а ты, Наташка, берись за воду — она у тебя лучше получается.

— Ладно,— согласилась Наташка.— Только чур, очень стараться...

Наконец они закончили.

— Уф! — выдохнула Наташка и потянулась.— Устала же я.

— Я тоже,— честно признался Альберт.— Знаешь, давай отойдем, посмотрим, как получилось.

Они собрали газеты, поставили стол на место, отошли и сели на диван.

Картина получилась большой!

Море начиналось от пола — чудесное море, полное ярко-синей воды и блестящее, как зеркало. Разбрасывая брызги, по его поверхности носились дельфины, а вдали, похожий на чайку, плыл старинный корабль. На его узком корпусе горела гордая надпись «Фрегат».

Небо тоже было красивым!

Оно, казалось, возникало из самой воды, отделенное от нее тоненькой бледной полоской,— прекрасное голубое небо, уходящее к потолку. По его глубоким просторам парили стаи мохнатых медленных облаков, и ярко-оранжевое солнце разбрасывало во все стороны жаркие длинные лучи.

— Посмотри,— вдруг сказала Наташка.— Комната стала другой. Какой-то светлой.

— И еще будто раздвинулась и стала больше,— добавил Альберт..

— Вот папа удивится,— произнесла Наташка.— А сколько сейчас времени? Ух ты, половина седьмого! Он же сейчас придет...

Я открыл дверь и вошел в прихожую.

— Вы что такие чумазы? — удивился я, увидев Наташку и Альберта, с ног до головы обляпанных краской.

— Мы тебе подарок готовили,— объяснила дочь.

— Какой подарок? — насторожился я.

— А ты закрой глаза и пошли в комнату. Только, чур, не подглядывать!

Наташка взяла меня за руку и повела за собой.

Все,— разрешила она.— Теперь можешь смотреть!

И я открыл глаза...

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЖУРАВЛИКОВ

— Ну что ж,— сказал отец Вадика.— Если хотите, расскажу о своих поездках.

— Конечно, хотим,— быстро ответила Наташка за себя и Альберта.

— Расскажи сначала про Японию,— попросил Вадик.— Это такая интересная страна!

— Ну хорошо. Про Японию, так про Японию. Только подождите минутку, трубку набью.

Он открыл коробку с табаком и аккуратно, маленькими щепотками стал насыпать табак в трубку.

— Какая у вас трубка интересная,— сказал Альберт.— А зачем на ней чертик вырезан?

— Чертик для красоты. А вот дерево, из которого изготовлена трубка, действительно необычное. Это сандаловое дерево. Оно обладает очень тонким ароматом.

— А-а, знаю,— обрадовалась Наташка.— Из этого дерева делают духи и одеколоны!

— Насчет духов и одеколонов не знаю,— улыбнулся отец Вадика,— но точно знаю, что из него изготавливают столы и стулья.

— Здорово,— сказал Альберт.— Стоит в комнате мебель и пахнет духами.

— Это еще не самое интересное, что есть в Японии,— вступил в разговор Вадик.— Папа, расскажи про кошек.

— Кошки там действительно необычные — бесхвостые, с голубыми глазами, очень любят купаться и прекрасно плавают... Но что мы все о кошках да о кошках. Я расскажу про город Хиросиму! В этом городе произошла самая страшная трагедия на земле, от взрыва атомной бомбы погибло двести тысяч человек... И сейчас, много лет спустя, та бомба приносит много горя. Дети и внуки людей, переживших ядерный взрыв, заболевают страшной болезнью — лейкемией. Лучшие врачи стараются победить болезнь, но, к сожалению, не всегда это удается, и тогда со всех концов Японии люди шлют маленьких бумажных журавликов. Японцы верят: если журавликов будет ровно десять тысяч, болезнь отступит. Такая вот сила якобы заключена в простых журавликах из бумаги...

— Когда вырасту,— вдруг произнесла Наташка,— то обязательно запрещу все-все пули, бомбы и снаряды.

— Тогда вырастай поскорее,— сказал отец Вадика...

— Папа, можно я пойду их провожу,— попросил Вадик.

— Только недолго. Тебе еще две задачи решить нужно...

— До завтра,— сказал Альберт.— Смотрите, не забудьте, что у меня завтра день рождения!

— Ладно-ладно,— отозвалась Наташка.— Мы про твой день рождения уже целую неделю знаем.

И они разошлись по домам...

— Что-то ты сегодня подозрительно чистая,— удивился я, когда мы возвращались из детского сада.

— Вечно ты все забываешь,— ответила дочь.— Сегодня у Альберта день рождения,— она на секунду задумалась и вдруг сказала,— пойдём тоже со мной?

— Как-то неудобно. Там, наверное, одни дети собираются.

— Ну и что? Зачем тебе одному дома сидеть? А так с родителями Альберта познакомишься!

— Хорошо,— согласился я.— Уговорила...

Я выбрал самый красивый галстук, повязал перед зеркалом модным узлом, провел щеткой по волосам и повернулся к Наташке.

— Ой, папа! — сказала она.— Какой ты сегодня красивый. Будь всегда таким!

— Постараюсь... Да, чуть не забыл. Нужно же подарить что-нибудь. Альберт сказки любит?

— Конечно,— ответила дочка.— Даже очень.

— Тогда мы ему подарим отличные сказки.

Я снял с книжной полки толстую серую книгу. На переплете золотыми буквами было выведено: «П. Бажов. Малахитовая шкатулка»...

Во дворе, возле песочницы, нам повстречался Вадик.

— Это я уговорила папу с нами пойти,— похвасталась Наташка.

Мы поднялись по лестнице и позвонили имениннику.

— Что-то долго никто не открывает,— удивился Вадик.— Давайте еще раз на звонок нажмем.

Мы позвонили еще и еще.

Вдруг приоткрылась соседняя дверь и соседка сказала:

— Зря звоните, там нет никого. Часа два назад мальчика «Скорая помощь» увезла.

— Как увезла? — в один голос спросили мы.

— Вот так. Аппендицит у него. Доктор сказал — операцию делать нужно. А ведь сколько раз Альберту говорила: не бегай, не бегай, и вот, добежался.

— Поехали в больницу,— сказала Наташка.— Только узнаем, как он себя чувствует. Ну, пожалуйста!

— Хорошо,— согласился я. Потом повернулся к Вадиду,— а твои родители волноваться не будут?

— Нет, что вы. Я им потом все объясню...

Мы остановили такси.

— Нам в больницу,— сообщила Наташка водителю.— Там Альберту операцию делают. У него аппендицит.

— Аппендицит — это не страшно,— сказал таксист.— Через неделю твоего Альберта уже домой выпишут.

Мы подъехали к больнице и я попросил таксиста:

— Подождите нас, пожалуйста, мы только узнаем, как здоровье мальчика...

Через стеклянную дверь мы прошли в большой, ослепительно белый коридор. Там пахло лекарствами и куда-то спешили люди в белых халатах.

— Извините, где здесь можно узнать о здоровье мальчика? — спросил я в регистратуре.

— У него аппендицит,— добавил Вадик.

— Мальчика сегодня привезли?

— Да,— ответили мы все вместе.— Его имя и фамилия Альберт Юлдашев.

— Его уже прооперировали. Врач сказал очень запущенный случай.

— А как он себя чувствует?

— Пока состояние тяжелое. Вы родственники?

— Нет, друзья,— ответила Наташка.

Мы вышли из больницы и опять сели в такси.

— Ну и как здоровье вашего Альберта? — поинтересовался водитель.

— Врач сказал: «Состояние тяжелое. Очень запущенный случай»,— ответил Вадик.

— Да, не повезло вашему другу. Наверное, надолго в больницу попал.

— А от аппендицита умереть можно? — вдруг спросила Наташка.

— Еще как,— ответил таксист.— Вот недавно был случай...

— Остановите машину,— попросил я.— Дальше мы пешком пойдем...

Уже стемнело, когда мы возвратились домой.

— До завтра,— грустно попрощался с нами Вадик.

Но Наташка о чем-то задумалась и забыла сказать Вадиду: «До свидания»...

— Папа,— утром попросила меня дочь.— Позвони в больницу.

Я набрал номер. Трубку долго не поднимали, но вот далекий голос произнес:

— Вторая хирургия, слушаю.

Я спросил о здоровье Альберта.

— Пока без изменений,— ответили мне.

— Нужно что-то делать,— грустно сказала Наташка.

— Но что?

Я попробовал успокоить дочь.

— Наташка,— сказал я бодрым голосом.— Врачи у нас опытные и лекарства лучшие в мире. Уверен, завтра Альберту станет гораздо лучше!

— Папа,— вдруг спросила моя дочь.— Ты умеешь делать бумажных журавликов?

— Что? — переспросил я.— Каких журавликов?

— Маленьких журавликов из бумаги.

— Нет, маленьких журавликов из бумаги я делать не умею. А зачем они нужны?

— Если мы сделаем ровно десять тысяч журавликов, Альберт выздоровеет!

— Что за фантазии? Вечно ты придумываешь разные глупости.

— Никакие не глупости,— обиделась дочь.— Я совершенно точно знаю: если будет ровно десять тысяч журавликов, Альберт выздоровеет!

— Но почему именно десять тысяч?

— Так надо. В Японии этим способом лечат страшную болезнь лейкемию. А аппендицит подавно вылечится.

— Но мы с тобой понятия не имеем, как делаются эти журавлики.

— Давай попробуем.

Мы убрали все со стола и вытащили имеющуюся в доме бумагу. Первый журавлик у нас явно не получился. Второй тоже. Третий почему-то был похож на женскую шляпу с лентами.

Но постепенно мы научились делать журавлей!

Они вылетали из под наших пальцев все красивее и красивее, важно рассаживались на серванте, диване, стульях,— на столе места больше не было,— самые разные журавли,— из газет, тетрадей в линейку и клеточку, салфеток, а также из неизвестно как попавшей в дом обложки журнала мод...

— Давай отдохнем,— попросил я.— Мы уже часа три работаем.

Наташка рукавом утерла потный лоб и сказала:

— Ой, как много получилось! Сосчитай, а то собьюсь.

И я начал считать журавлей.

— Шестьдесят девять,— сказал я.— Кажется, десять тысяч мы и за год не сделаем.

В нашу дверь позвонили и дочь пошла в прихожую.

— Это Вадик,— сообщила она оттуда.— Сейчас он нам тоже помогать будет.

— А сколько еще нужно до десяти тысяч? — поинтересовался Вадик.

— Девять тысяч девятьсот тридцать один,— ответил я.

— Папа говорит, столько мы и за год не сделаем,— вздохнула Наташка.

— Я знаю, что нужно делать! — сказал Вадик.— Нужно звонить в каждую квартиру и просить, чтобы нам помогли. Сегодня воскресенье, на работу же никто не идет.

— Правильно,— поддержала его Наташка.— Какой ты, Вадик, умный. Я бы никогда-никогда сама не додумалась.

— Тогда и я с вами пойду.

— Отлично, папа,— обрадовалась Наташка.— Вместе мы еще быстрее все квартиры обойдем...

И мы стали звонить в каждую квартиру.

— Извините, пожалуйста,— говорили мы,— мы к вам по не совсем обычному

делу. Наш друг, мальчик Альберт, тяжело болен, и чтобы он выздоровел, необходимо сделать десять тысяч бумажных журавликов. Не могли бы вы нам помочь?

Сначала нас не очень хорошо понимали, но мы объясняли еще и еще, и постепенно люди начинали улыбаться.

— Конечно, мы поможем. С удовольствием, поможем. Только научите нас делать этих журавликов.

Мы учили. А потом шли дальше и дальше....

Наступил вечер. Усталые, мы сидели за столом и из последней бумаги вырезали журавлей.

И тут раздался громкий звонок. Наташка побежала открывать и вдруг закричала:

— Ой, идите все сюда!

— Мы с Вадиком бросились к двери и увидели множество людей. Люди стояли у нас в прихожей, перед настежь открытой дверью, на лестнице, даже в подъезде. Все они держали бумажных журавлей. Держали в сумках, авоськах, просто в руках.

Журавли были самые разные: очень большие и совсем крошечные, самых разных цветов и размеров. Журавлики, похожие на журавлей, и совершенно не похожие. Но самое главное, их было много. Очень-очень много. Наверное, целых десять тысяч!

Люди входили к нам в квартиру, выпускали журавлей на свободу. Журавлики тесно — крыло к крылу рассаживались на подоконнике, книжных полках, телевизоре, просто на полу, на кухне, в ванной.

— Спасибо,— говорили мы всем — мужчинам и женщинам, детям и совсем пожилым уже людям. — Спасибо! Большое спасибо!

А они улыбались и спрашивали:

— Может, еще что-то нужно сделать для Альберта?..

Утром я вновь набрал номер больницы.

— Как здоровье Юлдашева Альберта,— спросил я.

— Гораздо лучше. Худшее уже позади,— ответили мне.

— Ура! — закричали мы с дочерью.— Худшее уже позади!!!

— Нужно об этом всем-всем сообщить,— предложила Наташка.

И мы стали звонить в каждую квартиру.

